

Михаил Волохов

ИГРА В ЖМУРИКИ *(без обсценной лексики)*

Трагикомедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аркадий
Феликс

Наши дни

Одна из комнат на проходной номерного Медико-санитарного отдела. Актеры переодеваются в больничные халаты. Стоят на авансцене, курят. Одновременно делают движение, чтобы бросить сигарету. Феликс бросает и растирает «бычок сигареты».

Феликс. Не вижу ни хера.

Аркадий *(включает свет)*. Эти больные, сука, умники-наушники, так и зырят по кошелкам, так и зырят. А чего это вы, мальчики, несете с пищеблока? Сами, курвы гебешные, красную икорочку на черную намазывают, а тут килограмм капусты спокойно взять не дают.

Феликс. Вот главный зайдет, а из шкафа твоя капуста трипперная торчит килограмм на пятьдесят. Тяжелоатлет качёный.

Аркадий. А ложи́л я на этого главного с площади Эдмундо́вича свой большой и длинный.

Феликс. На балконе капусту солишь?

Аркадий. Я тебе шо квакаю, когда ты урюк сушеный здесь килограммами умасливаешь?

Феликс. Спокойно! Спокойно! Достал.

А р к а д и й. Перевелся в мою смену - здесь иные порядки - изволь иметь к мозгам.

Ф е л и к с. Полюбился ты мне, гребень - потому и перевелся. Мне ж по херу, хохляндия - ты хоть всю больницу распачкуй. Ты здесь на лимите - должен перестраховываться. Я-то проколотый.

А р к а д и й. Кто не еврей - тот на лимите.

Ф е л и к с. А по-другому не бывает, дорогой.

А р к а д и й. Гитлер точно был прав. Я б тоже всех вас, жиденков Эдмундóвичей, туда же - в Дахао.

Ф е л и к с. Ну и я бы туда же всех вас хохлямундских партийных начальников. А за жиденков Эдмундóвичей и по чану могу врикошетить.

А р к а д и й. Точно, значит, еврей. Фамилии русские напялили, как гондоны и пялите всех в жопу.

Ф е л и к с. Что ты сказал?

А р к а д и й. Ничего. Ну, врикошетить по чану, чайник - я погляжу, кто первый врикошетит. Правду-матку кулаками не перешибешь. Хавать бум?

Ф е л и к с. А в жопу дурака вогнать позволишь?

А р к а д и й. Чиво?

Ф е л и к с. Хер через плечо. Мясо взял?

А р к а д и й. Мясо дома жрать будешь. А тут каклеты заглывай вонючие. Как их только больные улопачивают?

Ф е л и к с. Нашим больным курочку из дома приносят отварную.

А р к а д и й. На гебисткую зарплату, сука. А ты котлеты вонючие заглывай. Не бзди, обрезной – есть мяско. Клавка мне кусманчик отфулюганила. Это ж вот вам евреям мяса никогда не дают и правильно делают

Ф е л и к с. Ну, какого хера, ты мясо в эту мандавошечную тушеную капусту всандячил? Тебе что - тарелок, что ли, мало?

А р к а д и й. Тебе надо на тарелку, ты и делай себе на тарелку, министир. Мне лично - посрать.

Ф е л и к с. Замудохал ты меня, поносник.

А р к а д и й. Вот, когда замудохаю – тогда и скажешь, что замудохал. А то точняк по рыльничку сопатому замудохаю.

Ф е л и к с. Старик, я тебя уделывать не стану - я тебя вон - просто местным гебистам сдам и все.

А р к а д и й. Еще кто кого сдаст, Иуда. А то, что ты стукач, Эдмундóвич - я в этом никогда не сумлевался. Все вы, Эдмундóвичи пархатые, на одну физиономию. Пахать белоручите, а Нобелевскую премию вам отпишите. Нет - Гитлер точно был прав с окончательным вопросом. *(Передаёт Феликсу тарелку с едой.)* Не подавись.

Ф е л и к с. Благодарствую.

А р к а д и й. Кстати, Сталин тоже четко просекал ситуацию.

Ф е л и к с. Кстати, Сталин – вот Сталин бы тебя хохла и отправил по ленинским местам за морковку. Сам-то, что здесь в морге вохром вкалываешь - тоже ведь, хохложопия, горбатить не любишь. На овощах вон себе капиталец-то стряпаешь.

Аркадий. А, какого хера, государство меня в зарплате обворовывает - сам же трещал. И я еще с этой сраной фарцой суетиться должен. Да, если б у меня хата, как у тебя, козла, была трехкомнатная в центре - ты бы меня на проходной здесь хер бы когда увидел. *(Идет за перцем.)* Перчик будешь?

Феликс. Нет.

Аркадий *(демонстративно чихает в сторону Феликса)*. Апчихи!!!

Феликс. Мандавоха - засношал!

Аркадий. А в зоне - в зоне ты б ты мне попался - я б тебя твоими же кишочками накормил, и за уши к потолочку гвоздоточками пришканапатил.

Феликс. В зоне. Ты крутанул весь Куйбышев - свалил в Москву. В зону тебя, шакала хитрожопого – хер засадишь.

Аркадий. Только не тебе, чижик-писателю, засаживать. Нет, я чумею - мужику тридцатник- ни жены, ни детей. А хата трехкомнатная, у козла, есть в центре. Вот на хер тебе фатера, да еще трехкомнатная?

Феликс. Да, харевом чудильным развлекаться. В первой комнате трахать, во второй - кишками душить, в третьей - за уши к потолочку гвоздоточками пришканапачивать.

Аркадий. Ублюдок ты.

Феликс. Хочешь такую сексуальную квартирку, хохляндия?

Аркадий. Ага.

Феликс. Серьезно, хочешь?

Аркадий. Хочу.

Феликс. А хер ты её когда получишь.

Аркадий. А ещё великим русским писателем гуманистом заделаться хочет, сука. Ты вот еще попиши у меня здесь поэмку, попиши. Ты сюда как пришел? Пожарником вкалывать. Вот и вкалывай пожарником лохом за Катюшу хрустящую.

Феликс. Да, я вкалываю – все нормально.

Аркадий. Еще он больных каждую смену на сотни обдирает, писатель, твою мать. *(Выходит из-за стола на авансцену, говорит громким голосом.)* Люди сюда легли после тяжелых ранений, после ответственных заданий, после Афгана, Чернобыля, из глубокой разведки, на хер. Ты вон - солдатика из Чернобыля обул на три Кати – вот он лапки и отбросил.

Феликс. От радиации он лапки откинул, а не от того, что мне бабки просрал.

Аркадий. На четыре метра чувака закопали - это чтоб радиация на поверхность не просочилась.

Феликс. Ладно уж, во всяком случае, там ему триста спущенных хрустов – глубочайше усрались. А, кстати, хохляндия...

Аркадий. Ну.

Феликс. Ты с ним рядом сидела, когда мы в картишки перебрасывались.

Аркадий. Ну и что?

Феликс. Че, ну и что? Мог и хватануть радиацию.

Аркадий. Кого хватануть?

Ф е л и к с. Ну-ка, иди сюда. *(Выводит Аркадия на авансцену, смотрит ему в глаза, поднимает ему руки).*

А р к а д и й. Мог и хватануть?

Ф е л и к с. Да, не бзди, хохол. Вон, чернобыльские хохлы немножко больше радиации хватанули - и то не бздят. *(Отходит от Аркадия).*

А р к а д и й. Ну. Ну, какого ты молчишь? Ну?

Ф е л и к с. Или куйбышевские хохлы бздюхаристее чернобыльских? Для меня это, как для писателя – это открытие.

А р к а д и й. И чего я с вами играть садился? И ты меня на сто один рубль, товарища по службе – безжалостно обул.

Ф е л и к с. Сам подсел.

А р к а д и й. Подсел в штанах, а отсел без трусов. Я тебя научу пожарником работать.

Ф е л и к с. А ты у меня еще овощей покачаешь из пищеблока – я тебя самого откачаю на Петровку. Без лажи – удовольствие получу.

А р к а д и й. Что ты сказал, пидар?

Ф е л и к с. Висщий получу кайф, петюнчик.

Аркадий бросает на Феликса кружку с горячим чаем.

Сука! Ты что, совсем одичал, мудила?

А р к а д и й. А чего, чего такого-то? Ты ж, писатель. Ты ж должен понимать шутки-то веселые.

Ф е л и к с. Да, пошел ты на хер с шутками веселыми.

А р к а д и й. Да, а кто у нас сам каждую смену Витюхе-то в картишки просерает?

Ф е л и к с. Витюха первый номер – одно мое слово – он тебе чердак точно свернет, сука.

А р к а д и й. Витюха – чувак отличный, нах.

Ф е л и к с. Отличный, отличный чувак. Вот ты капусту штефкаешь - она же туалетом воняет. И мясо все в капусте провоняло. Сдам я тебя, хохляжопия, в Петровку, или Витюха тебя жить научит - другого выхода не вижу, ни хера.

А р к а д и й. Ну, ты прав, Феликс. Я ж тоже понимаю, что эта капуста говном воняет.

Ф е л и к с. Говном воняет, а жрешь, как Гаргантюа.

А р к а д и й. Кто такая Гаргантюа?

Ф е л и к с. Охерительно как долго объяснять.

А р к а д и й. Можешь и не объяснять. Я, может и не пойму. Я простой человек, Эдмундóвич - народ. А ты вот пишешь для народа. А, когда тебе народ с вопросом обращается, ты занят. Ну, сука - занят так занят. Ты, может, гений народный. У тебя, может, каждая минута - Нобелевская премия. Я понимаю - я не обижаюсь. Вам, евреям, бабки надо заколачивать на чуйствах-страданиях простого русско-хохлятского человечка. Кеша? Кеш? *(Поднимается со стула, идет к клетке с птичкой.)* Кеш. Кто у нас тут поэмы строчит каждую смену эпические клинические?

Кто у нас тут бумагу переводит. У нас в стране напряженка с бумагой. Вот кенарь – махонькая такая птичка. А как петь начинает – так и валит искусство реально эпическое. А вот, что искусство некоторых товарищей – я конкретно не понимаю. Дал бы почитать, что ли, или объяснил популярно, что к чему.

Ф е л и к с. Интересуетесь искусством, Аркадий, да?

А р к а д и й. Ну а, что?

Ф е л и к с. О'кей. Я не первый писатель в этом мире. Так?

А р к а д и й. Ну.

Ф е л и к с. Ну а ты, стало быть, ты не первый мудак, которому все мои писания, в парашу отлились.

А р к а д и й. Нет, все таки, Гитлер прав был, писатель. Ты только обижайся-не обижайся, но Гитлер прав был абсолютно.

Ф е л и к с. Вот и пишу для того, чтобы таких парашников природных, как ты, поменьше было.

А р к а д и й. А я, читатель, говорю, что тебя - бубена-писателя, давно убивать пора.

Слышен шум сигнала машины.

Ворота открой - главный. Так что, оглох, контора?

Ф е л и к с. За твои ворота вохровские мне червонцы не печатают, парнишка.

А р к а д и й. Ладно, сука. Иду! Иду!

Выходит. Выпускает машину главврача. Заходит.

Абрам-пожарник! Ты у меня полыхать будешь, я тебе хер помогу, синагожке.

Ф е л и к с. Тебе, стакановец, три дня отпуска дают за то, что ты в моей пожарной дружине числишься. А мне за твои сраные ворота - хрен с маслом.

А р к а д и й. За ворота, гавнюк, ты мог иметь мое к тебе хорошее отношение. Ты, понял? (*Берет зажигалку, щелкает ею.*)

Ф е л и к с. В гробу мне укакалось твое ко мне хорошее отношение.

А р к а д и й. А ты не задумывался, что тебе засветится, если вся эта гебешная лечебница вдруг запоыхает со всей этой аппаратуркой валютно-заграничной?

Ф е л и к с. Давайте, давайте, Аркадий, поджигайте. Мне главное - из города пожарную команду вызвать.

А р к а д и й. Ну, точно еврей - всегда отмажется.

Ф е л и к с. Ну да. Рыжий еврей.

А р к а д и й. Чё?

Ф е л и к с. А то, что стукачи гебешники, что здесь лечатся, в этой секретногебешной лечебнице - хер с ними - пусть горят. Земным огоньком их ошпарить надо. А то ж они в аду всех чертей пересажают, когда, бычары, на Страшный Суд явятся..

А р к а д и й. И не ссыте вы мне это все транслировать? А? Феликс Эдмундóвич?

Ф е л и к с. А не ссыте вы это все на ус мотать? А? Аркадий Всеволодович?

А р к а д и й. Не – пацан ты интересный - покалякать с тобой - одно удовольствие. А то здесь за двадцать четыре часа бессменных со скуки сбрыкнуться можно. Опять же, Маринка-дырка, уволилась. Ты Маринке-то хоть впер? А, Эдмундович? Ну, впер, нет? *(Стоит позади Фелекса, хочет ударить его ногой по ягодицам, но Феликс перехватывает ногу Аркадия между своими ногами.)*

Ф е л и к с. Кому хочу, тому я и впираю, коллега.

А р к а д и й. Вот - все вперли Маринке, а ты, коллега, забрезговал. *(Берет Феликса рукой за волосы.)* И в этом пункте, Эдмундович, ты от коллектива отошел. А теперь, значит, сандалишь стерильных медсестричек в дармовой трехкомнатной квартирке. Да? Как ты говоришь - бабушка тебе, значит, квартиру по наследству отписала?

Ф е л и к с. Ну, бабушка-бабушка.

А р к а д и й. Грибы, видно, твоя бабулька сильно собирать любила и кушать.

Ф е л и к с. Это ты к чему?

А р к а д и й. Потому что очень трудно доказать, что человека предумышленно отравили, если он бледную поганку схавает.

Ф е л и к с. Я полагал, что ты мудака именно такого уровня.

А р к а д и й. Полагал?

Ф е л и к с. Полагал.

А р к а д и й. Ну и Госплан.

Ф е л и к с. А я о чем.

А р к а д и й. А теперь, значит, сандалишь стерильных медсестричек, в дармовой квартирке, прищканапачивая их к потолочку гвоздоточками?

Ф е л и к с. Гвоздоточками, Аркаша.

А р к а д и й. И поэмку пишешь, как бабушку бледной поганкой отравил?

Ф е л и к с. Пишу, Аркаша. Вот Федор Михайлович Достоевский – царство ему небесное - раз написал такую штучку, а я еще раз пишу.

А р к а д и й. Ну, так позвольте, вас спросить, Феликс Эдмундóвич, великий писатель совейский. *(Берет телефонную трубку будто микрофон.)*

Ф е л и к с. Ну-ну, вопросик – нет проблем. Абсолютно никаких проблем.

А р к а д и й. Феликс Эдмундович у нас в гостях – великий писатель совейский. Скажите, пожалуйста, у вас писька от харева не пухнет?

Ф е л и к с. Чего-то вы сейчас какой-то сократовский вопрос задали, совдепия, сократовский-сократовский!

А р к а д и й. Да.

Ф е л и к с. Ну и позвольте мне вам ответить тогда по-эпикуровски.

А р к а д и й. Я весь внимание.

Ф е л и к с. Мой член от харева слюной сперматической исходит. Как ему хорошо.

А р к а д и й. Ну, вот просто первый раз в жизни я такое вонючее еврейское говно вижу. Я это тебе по дружбе говорю.

Ф е л и к с. Ну, я тебе давно уже по дружбе сказал, что такого разговаривающего брандсбойдного хохлятского поноса я и представить себе не мог.

А р к а д и й. Спасибо.

Феликс грубо перехватывает руку Аркадия с телефонной трубкой.

А р к а д и й. Феля, отстегнись - тебе жить.

Ф е л и к с. Тебе, не жить?

Слышен лай собак.

А р к а д и й. Ну что, жиденок, опять все мясо сожрал, собачкам не оставил?

Ф е л и к с. Чтоб они за тебя ворота стерегли? Когда ты здесь дрыхаешь в час ночной не по инструкции?

А р к а д и й. Ты тоже в час ночной не по инструкции кемаришь. Тебе тоже, если что, мои собачки помочь могут.

Ф е л и к с. На то у меня, Аркаша, есть пульт противопожарный с сиреной.

А р к а д и й. Ну - кто гавно? А? *(Выходит к собачкам).* Паркер, паркер! *(Возвращается.)* Я понимаю – Лев Толстой – мяса ни хера не жрал, а в шестьдесят лет имел стоящий член – потому как детей рожал. И был, между прочим, в отличии от некоторых - очень великим писателем.

Ф е л и к с. Ну, вот и ты тоже - мяса не жрешь, чего ж тогда мудака-то?

А р к а д и й. Ну, поговори у меня еще - поговори. *(Снимает брюки, перевязывает ногу.)*

Ф е л и к с. Ты-то откуда знаешь, что Лев Толстой мяса не жрал?

А р к а д и й. Да был тут у нас до тебя тоже один писатель - все поэмки строчил. Нет, он хоть ворота не брезговал открывать - от него хоть польза ребятам была. Потом, опять же – Маринке – все впёрли и он впер. А ты? Кончил МВТУ имени Баумана. Получил улётную специальность - инженер по космической сварке. Государство тысячи золотом на тебя ухандокало. Нет, захотел быть миллионщиком, Солженицыным. Слушай, Шамирыч, почему ты до сих пор не в Израиле? И там ты даром, нах, кому сдался, пожарник. Поэму там и без тебя писать музозвонов хватает. Не, ваще, мне тоже комично. Гебисты в нашей лечебнице лечатся, а мы с тобой тоже режимники - тоже подписку первому отделу давали о неразглашении государственной тайны, что в нашей сверх секретной гебешной лечебнице гебешники лечатся. Косвенная секретность, твою мать. А была когда-то здесь деревенька. Русская. *(Качает бицепсы с помощью огнетушителькей).* На месте этого номерного медико санитарного отдела. Одно хорошо - не пустят тебя из этой лечебницы на родину предков - ты даже можешь даже не рыпаться.

Ф е л и к с. Ты так уверен, что хочешь на родину предков?

А р к а д и й. А какого тебе здесь делать? Поэмку не печатают, как инженер деградировал. Работа пожарником за столярник - говно работа. Патриоты вас в тисочки зажимают. Память. Ой, попомнишь мои слова - поздно будет.

Ф е л и к с. Жить я не ссу, Аркаша, денег у меня хватает, а людей за бугром убивать больше не хочется.

Аркадий. Че?

Феликс. Натянул твоё очко, ёпт. В картишки играть бум?

Аркадий. А-а птичку кенаря у меня купишь?

Феликс. Хорошо поет?

Аркадий. Извращенно поет.

Феликс. И започем кенарь-то?

Аркадий. За четвертак отдам - с клеткой. У меня одна клетка пятнашка стоит.

Феликс (*достаёт бутлку водки*). Что так смотришь?

Аркадий. Как смотрю?

Феликс. Как член на целку через стенку.

Аркадий. Феля-Феля. Вот за что я тебя здесь уважаю - что ты в первую смену начал жмуриков со мной в дуборезку катать, и, что ты мне свою долю спирта отдаешь безвозмездно.

Феликс. Безвозмездно-безвозмездно.

Аркадий. Почему ты мне отдаешь свою долю спирта?

Феликс. Язва у меня – потому и отдаю.

Аркадий. Какой ты тогда, в холеру, писатель, если не пьешь? За язву?

Феликс. За язву.

Аркадий. Между первой и второй – перерывчик небольшой?

Феликс. Давай-давай, наливай. (*Достаёт из кармана и кладет на стол колоду карт.*)

Аркадий (*берет в руки колоду карт*). Новенькая колотушка. Разорился?

Феликс. Аркаша, ты б хоть раз разорился. А то на меня бочку катишь, а сам дешевка-дешевкой.

Аркадий. Закрой фонтан – у меня жена, две дочки. Бабки нужны. И не я тут каждый день мильёны вышпиливаю.

Феликс. Лимоны. (*Кладет на стол, на кон рубль.*) Может, больных кого позовем, сантехников, Витюху?

Аркадий. А, может, идут они сегодня на хер, Феликс. Накурят, шума будет - Витюха разует. Тебе надо?

Феликс. Не Витюха - так я разую.

Аркадий. Вдвоем много не разуешься. Ну что – тянемся на раздатчика.

Феликс. Ну.

Аркадий (*вытаскивает из колоды карту*). Десяточка. Ну что - сейчас туза вытянешь.

Феликс. Евстественно. (*Вытаскивает из колоды карту.*) Прошу вас - туз пиковый.

Аркадий. Сдавай, мухлевщик. Ну что - чирик, дичка потолок?

Феликс. Ну, можно и Катюшу стохрустовую. Тугриков у нас сегодня до хера и больше.

Аркадий. А не надо считать чужие тугрики. (*Кладет на стол десять рублей.*)

Феликс. А – не будем считать чужие тугрики. Прошу вас, мужчина – вот так.

Играют.

Ф е л и к с. А вот так. Так – забери тогда.

А р к а д и й. А чего забирать. Давай по полтийничку накинём - чего мне там забирать.

Ф е л и к с. По полтийничку накинём – хер ли нам не зарядить по полтийничку.

Доставляют на кон деньги.

А р к а д и й. Я тебя обожаю, когда ты проигрывать начинаешь. *(Сдаёт карты.)*

Ф е л и к с. А я все думаю, почему я в тебя такой вечновлюбленный. *(Кладет на стол десять рублей.)*

А р к а д и й. Ну, давай-давай.

Ф е л и к с. Ну-ну-ну.

А р к а д и й. Ну, еврей. Ну, еврей. Жопой чую разведёшь - на фуфу золотишь.

Ф е л и к с. Еврей, да хохла на фуфу не заловит – какой я тогда, к лебедям-то, еврей.

А р к а д и й. Стоп!!! Вскрылся! *(Показывает карты.)* Тридцатничек!

Ф е л и к с *(показывает карты)*. Тридцатничек! Ну что, мужчина – давай! Стольничек?

А р к а д и й. Стольничек. *(Кладет на стол сто рублей)*.

Ф е л и к с. Смачно пернул. Катюша - так Катюша – чего нам не зарядить-то сто рублёвую Катюшечку. *(Кладет на стол сто рублей)*. Нормально, Аркаша, нормальненько – зарядим Катюшу. Аркаш, чего ты такой серьёзный? Да выигрывай эти сраные бабки – они мне на хер усрались.

А р к а д и й. Ну, мне эти бабки мандавошечные, тоже усрались.

Ф е л и к с. Ну-ну-ну. Давай еще. По стольничку зарядить – слабо?

А р к а д и й. Зарядим по стольничку. *(Кладет на стол сто рублей.)*

Ф е л и к с. Зарядим по стольничку – а чё нам не зарядить по стольничку. *(Кладет на стол сто рублей.)* По стольничку – так по стольничку. Чего нам стоит. Давай, Аркашечка, вот так. Отмено. Отменно. Ну – внимательно, мужчина. Ну - внимательно играем.

А р к а д и й. Стоп!!! Вскрылся. *(Открывает карты)* Тридцать два.

Ф е л и к с *(открывает карты)*. Тридцать три.

А р к а д и й. Тридцать...три...

Ф е л и к с. Ну что, Аркадий Фсеволодович, продолжим?

А р к а д и й. Да пошел ты на хер!

Ф е л и к с. Аркаш, ну, стоит так расстраиваться – я не понимаю. Деньги это гавно бумажное.

А р к а д и й. Да конечно - пятьсот рублей гавна за пять минут. Не переживай. Мне за это гавно полгода на этой вохровской работе...

Ф е л и к с. В это говно выигрывает тот, кто к этому говну проще относится.

А р к а д и й. Да уж проще меня к этому говну никто не относится. И что я, мудака, приехал в эту дешевую Москву, на эту шельмовую работу? Вот раньше я бабки зарабатывал в Куйбышеве.

Ф е л и к с. Все правильно. Проворовался там, приехал сюда. Все по графику.

А р к а д и й. По фургону картошки - по куску, по косою в день зарабатывал.

Ф е л и к с. А что, пятьсот рублей за десять минут – слабо, что ли?

А р к а д и й. Клево, клево! Да мне бабки по фигу. Я сейчас проношил - проношил. Видишь, спокойно, без нервов. А ты бы сейчас точняк укантропопился.

Феликс прикуривает от зажженной денежной купюры.

Просто обидно, что такому фраерюге худосочному бабки достались.

Ф е л и к с. Аркаша! Да как деньги приходят, так и уходят. Легко, наверно, вчера эти пятьсот хрустов тебе достались?

А р к а д и й. Да как я вчера эти пятьсот хрустов заработал, тебе, оленю фаршированному, ни в жисть не заработать. Красиво, изячно заработал.

Ф е л и к с. Я вижу, что изячно, не за полгода этой вохровской каторги.

А р к а д и й. Гуляй давай! Понял?

Ф е л и к с. Куда гулять не понял.

А р к а д и й. Поймешь, когда по шнобелю вмажу.

Ф е л и к с. Аркаш, я тоже могу вмазать по шнобелю. Лопатой там совковой, ломом, огнетушителем - у меня до грёбаной страсти этого противопожарного инструмента. Потом шильцем могу, бритвой по глотке тоже могу.

А р к а д и й. Что ты мне такую гниль качаешь, жиденка? Ты что, можешь, правда, человека рубануть?

Ф е л и к с. А ты не можешь?

А р к а д и й. Какие-то вопросы у тебя непонятливые.

Ф е л и к с. Ты сам первый с непонятливыми вопросами в душу клинисься.

А р к а д и й. Я просто спрашиваю, а ты с какой-то начинкой гадюшной. *(Выпивает водки, садится за стол.)*

Ф е л и к с. Слыхал, вчера еврея рыжего поутрянке в подъезде высотного дома грохнули? В шесть часов. Темно щё было.

А р к а д и й. В темноте не слышу.

Ф е л и к с. Да в соседнем квартале. Неужели не слыхал?

А р к а д и й. Это в башне, что ль? Далеко не слышал. Еврея грохнули?

Ф е л и к с. Рыжего еврея. Факт фактический.

А р к а д и й. Ну и одной фактической еврейской сукой меньше стало.

Ф е л и к с. А не фик ему было с КГБ контактировать – вот и доконтатился.

А р к а д и й. Чё, он на КГБ контактил? Ты откуда знаешь?

Ф е л и к с. Аркаша! У меня знакомых в Москве - до собачьей матери. Я-то уж знаю – поверь.

А р к а д и й. А чего он это с КГБ контактил? Чего это ему усралось?

Ф е л и к с. Его надо было спросить. Я слышал, он сначала фарзой книжной был. Книжки всякие дефицитные ксерокопировал, продавал. Ницше, Бердяев, Фрейд, Авторханов, Солженицын, Волохов. Знаешь, да?

А р к а д и й. Ну.

Ф е л и к с. Ну, потом его гебисты за жопу схватили. Предложили - или на нас работай, или упрячем на Колыму - в урановый забой. Он и согласился.

А р к а д и й. На что согласился?

Ф е л и к с. На ГБ работать согласился - прежних своих дружков заваливать! Чего непонятливый такой?

А р к а д и й. Дружки его, наверно, тоже одна сволота. Я не уважаю книжников. Я тут у одного книжника Дюму купил вон Монсаро за сороковник - теперь ни хера не уважаю.

Ф е л и к с. Что-то ты весь вспотел, Аркадий Всеволодович. Чего - неважно себя чувствуешь, да?

А р к а д и й. Чего, заметно, что неважно чувствую?

Ф е л и к с. Да нет - как приглядишься - не очень заметно. В начале смены заметнее было.

А р к а д и й. Чего заметнее?

Ф е л и к с. Да вот ручки у тебя как-то дрожат психически. Голосок поскрипывает - будто несмазанный. Чего случилось-то?

А р к а д и й (*прокашливается*). Да ничего. Черезчур поддал вчера с корешами - промыл голосище-то.

Ф е л и к с. И потом уже поддали?

А р к а д и й. Ну, естественно. (*Пауза.*) Когда узнали, что в башне еврея рыжего грохнули, ну пошли, посмотрели - потом пошли поддали. Там чувака бритвой по горлу. Кровищи - море.

Ф е л и к с. Интересно, значит, было посмотреть, как человечка рубанули?

А р к а д и й. Не человечка - еврея суку. Ну, посмотреть-то - всегда интересно.

Ф е л и к с. И Раскольников потом поглядеть тянуло. Все человеки.

А р к а д и й. Чего?

Ф е л и к с. Дед Пихто и бабка с пистолетом.

А р к а д и й. Я тебя, емариста, там тоже видел.

Ф е л и к с. Меня-то? Видал, видал, Аркашенька, видал. Дружкам своим на меня пальцем тыкал.

А р к а д и й. Ну, мог подойти поздороваться - познакомиться с моими корешками. Все-то ты, еврей, брезгуешь простого человека.

Ф е л и к с. Ну и прилично потом поддали?

А р к а д и й. Да уж приличественно - весь день в отрубешнике.

Ф е л и к с. Начнем с того, что пошли поглядели - потом пошли поддали. Так?

А р к а д и й. Ну так.

Ф е л и к с. А потом весь день в отрубешнике, так?

А р к а д и й. Тебя что - это сношает?

Ф е л и к с. Но ты же говоришь, что и пятьсот рублей вчера заработал - это когда в отрубе, что ли? Ловко. Но не понятно.

А р к а д и й. А ты что, в следователи ко мне записался?

Ф е л и к с. А что, херовый из меня следователь, да?

А р к а д и й. Эдмундóвич - чего тебе надо? Взял пятьсот хрустов – отвали. Хочешь писать поэму? Иди, пиши свою мудическую поэму, а от меня отстегнись, по-хорошему.

Ф е л и к с. Аркаша. Не хочу я писать эту свою эпическую поэму - закрахмалила она меня в доску. Поговорить вот хочу по душам с хохлятским человеком.

А р к а д и й. Ах ты, милая моя, глянь в окошко – иду я. Без рубашки, без парток, как могучий молоток. Нет – вообще – характер мне твой нроавится.

Ф е л и к с. Ничего так?

А р к а д и й. Только жизнь я твою ни хера не понимаю. Как же так? Водку ты не пьешь. Баб ты не... Послушай, может ты не можешь. Что ты мне лапшу на уши вешаешь. Евреев в КГБ не берут.

Ф е л и к с. Берут, Аркаша. Когда приспичит, в КГБ и цэрэушников берут. Телек-то смотришь иногда - политику? Вот недавно показывали.

А р к а д и й. Да видел вот недавно – слушай, цэрэушник гебешникам продался. Смелый.

Ф е л и к с. Да смелый-смелый. Он-то - смелый. А сам-то, чего такой мандражильный - чего ссышь-то все?

А р к а д и й. Я-то - ссу? Ничего я не ссу. Чего мне ссать?

Ф е л и к с. Не знаю, чего тебе ссать? Чего тебе ссать. Действительно - чего тебе ссать? Ты ж его замарал - этого рыжего бритвой по глотке!

А р к а д и й. Чивоо?!!!

Ф е л и к с. Да не ссы, Аркаш, замарал – замарал. Пятьсот рублей за работу заработал - заработал. Все оплачено, все уверенно - не ссы.

А р к а д и й. Я тебя точно, падла, грохну! *(Бросается на Феликса – но тот приемом карате сбивает Аркадия с ног.)* А-а.

Ф е л и к с. Ну, чего? Ну.

А р к а д и й *(встает)*. Откуда все знаешь?

Ф е л и к с. В КГБ служу - потому и знаю. Нарвался ты, мальчишечка, на мою блюбёвь.

А р к а д и й. А гуляй по ветру, понтер-блюбёвник. Труп мне пришить захотел. Накоси-выкуси - рыжий - гебист. Трави баки - только не мне.

Ф е л и к с. Был гебистом, потом стал на ЦРУ шустрить - надо было его... Это дело поручили мне, я перепоручил тебе. Так что, теперь ты наш тварищ, Аркашка. А ты еще не доволен.

А р к а д и й. Мерси-соси. Ты мне ничего не перепоручал.

Ф е л и к с. Так вот это я тебе конвертик с ксивой и пятью сотнями в почтовый ящик кинул.

А р к а д и й. Ты?! Сука!

Ф е л и к с. Что, выбросил посланнице или хранишь?

Аркадий. Сжег, на хер.

Феликс. Сжег. «Прости меня, хохол-Аркашка, сердечно, но залудил, проштрафил я тебя в наперсточек ферзю мокрушнику афганскому. Да, к твоему счастью - есть вот обмен смертушек. Вскрой глотку лезвием Сашутке, рыжему еврею по Ушакова шесть, квартирка восемнадцать - твои пятьсот рублишек. А, коли не сполучится - до завтрашнего утра нет лезвиючка в твоём горлышке. И деталька в помощь: Сашутка в шесть утра выходит из подъезда на работу.» Так?

Аркадий. Так.

Феликс. А что сжег посланице - так это профессионально. Хвалю. Ну что, грамотно я тебе малявочку состряпал? А все гонишь - зря я занимаюсь литературкой художественной. Это и есть, хохол, то самое искусство.

Аркадий. Афганские любера – самые крутые мокрушники в Москве.

Феликс. После Афгана можно спокойно мирных людишек-то резать.

Аркадий. Я на суде против любера речь толкнул. Я подумал, что дружки его меня вычислили. Я ж тебе, суке, рассказывал про суд.

Феликс. А я и воспользовался.

Аркадий. Падла ты!!! Понял ты кто - падла.

Феликс. Знаешь, Аркаш, ты тоже не подарочек. Пришил еврея хладнокровно, спокойно - будто всю жизнь людей скальпировал. Или трудно было?

Аркадий. Чего там трудного. Мне пузырь на грудь принять – мне ж море по колено. Это после дела я могу ужраться. У меня же жена, две дочки. Я подумал - как бы они без меня останутся? А к ментам обращаться – только хуже могло получиться. Ты фашист. Ты страшный фашист, сука. И я вот, значит, тоже убил человека - еврея, а будто и не убивал.

Феликс. Верю.

Аркадий. Ты-то сам еврей?

Феликс. Все мы евреи, если по Марксу живем. Или по Христу? *(Подходит к Аркадию, сжимает в ладони его нагрудный крестик.)* Так и быть, Аркаша, куплю я у тебя птичку - извращенно ты мне показываешься.

Аркадий. А ты мне ни хера не показываешься, Эдмундóвич. Зачем ты это со мной сделал?

Феликс. А дрожит у тебя голосочек - дрожит. Далекó тебе еще далекó до профессионализма, Аркадий Всеволодович.

Аркадий. Зачем ты это со мной сделал?!

Феликс. Ты считаешь, что я с тобой ошибся? Да?

Аркадий. Я считаю, что вы во мне не ошиблись, товарищ.

Феликс. Да, хохол, замочный ты кадр - просто невозможно у тебя не купить птичку.

Аркадий. Не надо у меня покупать птичку – я тебе ее так подарю.

Феликс. Ты подаришь? Да ты с ума сошел. Я не могу принять такой подарок. Да ты что? Аркаш, я не могу принять такой подарок. *(Подходит к клетке с конарейкой.)* Ой какая птичка!

Аркадий. Скажи, пожалуйста, а у тебя книжечка имеется?!

Ф е л и к с. Какая у меня есть книжечка?

А р к а д и й. Да красненькая такая книжечка.

Ф е л и к с. А-а - члена писателей красненькая книжечка? Да нет у меня такой книжечки, Аркаша.

А р к а д и й. Да не, Феликс, другой красненькой книжечки - по ней еще пройти везде можно - члена КГБ.

Ф е л и к с. Члена КГБ? А-а-а - зачем тебе такая книжечка?

А р к а д и й. Да никогда не видел – мне бы посмотреть.

Ф е л и к с. Да что ты мне лапшичку на ушки вешаешь? Тебе в этом учреждении тут каждый второй больной показывает.

А р к а д и й. А я не спрашивал показать. Сапожник без сапог.

Ф е л и к с. Сапожник без сапог. Ты ведь просто проверить хочешь – гебист я или блефую.

А р к а м д и й. Я очень проверить хочу!!!

Ф е л и к с. Вот тебе, Аркаша, моя книжечка - Фомка ты неверующий. *(Достает из кармана «краснокожее» удостоверение КГБ и показывает его Аркадию.)*

А р к а д и й *(читает)*. «Выдано капитану Феликсу Феликсовичу». Похож! Хорошенькая такая книжечка – маленькая, удобненькая.

Ф е л и к с. Охерительно удобненькая книжечка, Аркашка. У фарцы-книжника не купишь такую книжечку.

А р к а д и й. А звание у тебя приличное – молодец. Поздравляю.

Ф е л и к с. Для моих лет - самое зашибательское звание.

А р к а д и й. Извините, товарищ капитан - я думал тут со мной бумагомаратель какой работает, а ты, оказывается, человек.

Ф е л и к с. Я тоже вот думал, что тут со мной хохол-воришка щипаченок работает ни на что не годный. А каким способным оказался. Умеешь скрывать способности под дебильной ряшкой.

А р к а д и й. Я что - теперь тоже в КГБ числюсь?

Ф е л и к с. Да, вроде бы. А ты б хотел?

А р к а д и й. Ну, не знаю, если вы считаете, что я могу справиться.

Ф е л и к с. Мы считаем, что внушительно можешь справиться. Платить у нас не забывают. Квартиру дадим.

А р к а д и й. По лимиту?

Ф е л и к с. Аркаш, это для трудящихся по лимиту. А мы перетрудившиеся трудящиеся. У нас квартиры без лимита.

А р к а д и й. Я четко в этот параграф врубился, что мы перетрудившиеся трудящиеся.

Ф е л и к с. Аркаша. Скажи честно, а вот без бабок ты бы стал бы? По нашему приказу, естественно?

А р к а д и й. Что, совсем ничего не заплатите? Квартирку по дружбе хотя бы отпишете?

Ф е л и к с. По дружбе в нашей конторе, Аркашка, не разговаривают. По дружбе у нас только пришивают безболезненно бритвой по глотке. Ты вот помозгуи и скажи -

ночует в тебе камнеустическая совесть или ни хера в тебе не ночует камнеустическая совесть?

А р к а д и й. Я обмозгованно ответствую, что во мне эта камнеустическая совестьуха с кажным кровяным шариком из постели не вылазит.

Ф е л и к с. Изячно.

А р к а д и й. Я вот, когда этого рыжего грохал, я сейчас понимаю - я его грохал по камнеустической совести - как врага нашей советской социалистической действительности.

Ф е л и к с. Чувствуется почерк большого аса истребителя в тебе, Аркаша. *(Бросает ему полотенце.)*

А р к а д и й. А мне звание дадут? Я из армии старшим сержантом дембельнулся. Я у вас со старшего сержанта начну?

Ф е л и к с. С этой позицией у нас пунктуально. И башлей будет прорва, и звания пойдут косяком, Аркашка. И хаты без лимита.

А р к а д и й. Для перетрудившегося?

Ф е л и к с. Да, в том случае, если у тебя действительно есть камнеустическая совесть.

А р к а д и й. Да я докажу делом.

Ф е л и к с. Да давай доказывай делом!!! Что стоишь как чурка?

А р к а д и й *(льет воду из кувшина на руки Феликса)*. А работать я буду еще здесь или меня переведут на новое место? Если чего - я согласен.

Ф е л и к с. Да, Аркаша - это не проблема. Меня другое волнует.

А р к а д и й. Чего тебя волнует?

Ф е л и к с. Да, что ты - вот так взял и совершенно незнакомого человека просто вот так взял и подрезал за пять сотен. Зассал любера афганского.

А р к а д и й. Ничего я не зассал любера афганского. Ну, я все четко по ксиве сделал, которую вы составили, товарищ капитан.

Ф е л и к с. Да, но ведь ты не знал, что ксиву тебе КГБ в моем лице составило. Стало быть, ты забздел все-таки любера и подрезал мальчика рыжего по трусости.

А р к а д и й. Это ваша ошибочка, что вы неправильную малявку составили, товарищ капитан.

Ф е л и к с. Так специально было сделано, чтобы тебя проверить. *(Дает Аркадию полотенце.)*

А р к а д и й. Писали бы прямо *(вытирает полотенцем Феликсу спину)*, что этого незнакомого человека - суку еврейскую - надо прихерачить по камнеустической совести - я бы его и прихерачил по камнеустической совести. Ни хрена, не моя принципиальная ошибка, все-таки.

Ф е л и к с. Ну, то, что ты отстаиваешь свое мнение, Аркадий - это туда. Премного за тебя рад, товарищ старший лейтенант. *(Кладет руку Аркадия себе на плечо.)*

А р к а д и й. Так. Спаибо за доверие, товарищ старший капитан, за доверие и подаренную радость. А что, я теперь тоже КГБ? Я тоже имею право на ошибочку, что прихерачил жиденка по трусости.

Ф е л и к с. Сознался, парень! Когда ты его прихерачивал – ты тогда КГБ еще не был!!! Тогда ты был простым советским хохлом. *(Дает Аркадию таз с водой.)*

А р к а д и й. А в душе я был КГБ! Здоровьем матери клянусь, что в душе я был КГБ! И потом каждый советский человек должен иметь право на ошибку - хотя бы по конституции.

Ф е л и к с. Так - пусти хохла в КГБ. Тогда и этот рыжий тоже имел тогда право на ошибку. И тогда мы ошибочно его приканопыжили - так, что ли, по твоей кривой философии получается? Так вот ты подумай и скажи - хорошо это всё получилось или плохо?

А р к а д и й. Я не хочу думать. Не хочу сам думать! *(Плачет.)*

Ф е л и к с. Ну, вот это класс, Аркаша. И слезки твои к месту.

А р к а д и й. Вы меня берете к себе?!

Ф е л и к с. Извращенно ты мне нравишься - искренне я влюблен в тебя, Аркадий Всеволодович.

А р к а д и й. И я в тебя влюблен, Эдмундóвич, тоже искренне!!! И поэмку ты свою строчи до офонарения.

Ф е л и к с. Ой, да что ты.

А р к а д и й. Вот приходи и строчи до офонарения. Я тебе слова не скажу. Я даже за тебя могу огнетушители по этажам растаскивать.

Ф е л и к с. Ну, это совсем замечательно, Аркаша.

А р к а д и й. Эдмундович, я тебе сейчас одну умную, ответственную мысль рожу!!! *(Выбрасывает таз.)*

Ф е л и к с. Ну, рожай давай мысль умную, ответственную!!! Не помри при родах-то!!!

А р к а д и й. Я вор, Эдмундович, но я честный вор – я тебе как на духу говорю...

(Феликс протягивает Аркадию свой чистый белый халат)

Хочу приносить пользу комитету государственной безопасности. *(Берет халат и одевает его на Феликса.)*

Ф е л и к с. Ну, ладно - это все детали. Ты мне вот что скажи. Ты, когда херачил этого рыжего, тебе было приятно или тебе не было приятно?

А р к а д и й. Сука, ты мне по дружбе скажи, что тебе ответить - я то тебе и отвечу. За суку извиняюсь.

Ф е л и к с. Не врубаешься ты, Аркадий Всеволодович, не врубаешься ни капли. Бьюсь я с тобой, бьюсь – ты пойми - дружеских отношений в нашей конторе отродясь не существовало. Ладно, хер с тобой – ты сейчас знаешь, что убил человека по нашему приказу. А кто лишнее про нас знает, на того иногда приходится звать гебешного любера, и, ты понимаешь, что с тобой вдруг сможет сполучиться?

А р к а д и й. Я, значит, теперь на мушке. Так, что ли?

Ф е л и к с. Да пёс его знает, Аркашенька - не я все решаю.

А р к а д и й. Ну, ты меня сведи с теми, кто все решает. Да я сам вон в приемную КГБ пойду и попрошусь к твоему главному.

Ф е л и к с. Это будет твоей самой грубой ошибкой, хохляндия. *(Протягивает Аркадию медицинские перчатки, с тем чтобы он их на него одел.)* Ну, представь –

допустим, ты пойдешь, ну, допустим, ты расскажешь. А я скажу, что не я писал тебе ксиву. Я работаю индивидуально, чрезвычайно секретно. Мне приказано сгруппировать группу - я ее и группирую, исходя из своего понимания сверхзадачи. Ты врубаешься хоть немножко?!!

А р к а д и й. Множко даже врубаюсь. Мне приятно было, когда убивал!

Ф е л и к с. Да - ну, тогда мне важно знать абсолютно точно! А) Ты с удовольствием убивал этого рыжего из-за того, что за его голову получил бабки. Б) Ты забздел афганского любера. Или - Ц) Ты забыл про копейки, про любера и получал приятственность только от того, что просто ласкательно вспарывал этому рыжанькому жиденочку глотку?! Кайф получал?! Кайф палучал?!!

А р к а д и й. Ну, просто приятственный кайф получал, когда убивал!!! Это хорошо или плохо?! *(Плачет.)*

Ф е л и к с. Да, это несказанно хорошо, Аркашка. И слезки твои, Аркадий Всеволодович - удивительно туда, мальчик мой. *(Открывает посудину с человеческими органами, достает щипцами и показывает их Аркадию).* Цель коммунизма: А) Испытывать простодушное желание убить ближнего. Смотреть!!! Б) Убивая - испытывать приятственнейший восторг, кайф! Ц) Подмыться очистительными, раскаятельными слезинками! А опосля - Д) Это четко и ясно постичь цель и смысл судьбы своей камнестической. Надо нацию надо от дерьма прочистить!!! Вон как волки - они только больных и хилых в стадах парнокопытных срезают. Здоровые и сильные парнокопытные остаются... *(С болью в животе заваливается на медицинскую каталку.)*

А р к а д и й. Ну, такая петрушка мне нравится.

Ф е л и к с. Оздоровляющая петрушка.

А р к а д и й. Ну, надо, чтобы члены КГБ остались, а всех остальных носастых кучеряшек можно и в печурку - в золу на удобрения. Главное, чтоб не всех, конечно, петрушек перемясорубить - чтоб пушечное мяско парнокопытное осталось. А то же тогда американцы, суки, на нашу съедобную территорию без нейтронных бомб перескочат - на нашей территории США станет. А я понимаю, что главная цель КГБ - это против того, чтобы на нашу ниву США перескочило, в натуре.

Ф е л и к с. Самое главное, Аркашка, чтобы самому в петрушки не угодить. В натуре. За нас держись - поможем туда.

А р к а д и й. Спасибо тебе, Эдмундович, я сейчас такое облегчение испытываю.

Ф е л и к с. Это каммунизм, Аркаша – наука звездочётная. Особенно в нашей научной стране. Когда каждый неуч ученый наученно аксимирует, что его в любой момент, в любой неизвестной свободной точке, неизвестно за что могут наученно сцапать за жопу, посадить в тюрьму, где блатарии еще своим научным методом судить будут, в сраку обгуливать по-научному. Оденут вот колготки капроновые, поставят петушком-козленочком у стеночки и весь-то барак кобелиный сперму венерическую, спидовую в твое очко и заскладирует. Да и удавят потом шнурочком для завершения акта научного, и ты никогда уже не сможешь отомстить никому, и поэтому ты наученно мстишь заранее.

А р к а д и й. Нам-то можно так вот здесь с тобой такие научные разговоры вести? Нас никто на кассету не пишет?

Ф е л и к с. Да мне уже давно без кассет доверяют, мальчик с пальчик.

А р к а д и й. Ну, так берешь меня к себе, Эдмундóвич? Бери - не пожалеешь. Ты просто не представляешь, как я сейчас Карла Маркса и Ленина люблю, ценю и уважаю, сука.

Ф е л и к с. Ну, а то, что Карл Маркс - основоположник научного коммунизма, был евреем - как ты такое противоречие объясняешь, народник?

А р к а д и й. Ну – диалектически. Диалектически и материалистически.

Ф е л и к с. Херовато, хохляндия, что ты раньше не пришел самостоятельно какого-нибудь мудозвона антинаучного. Вот это, мальчик мой – херовато.

А р к а д и й. Херовато, что я тебя не пришел? Тебе это херовато?

Ф е л и к с. Не знаю.

А р к а д и й. Не знаю. Значит так. Бери к себе, организовывай научно, тогда и спрашивай за работу. Ты понял?

Ф е л и к с. Аркаша. Аркаш. Ну, какое я, ёпт, к матерям, КГБ - я ж пожарником здесь работаю, вшивею вон за столы. Ну, неужели, если б я был настоящим КГБ, я огнетушители здесь по этажам растаскивал, курильщиков по лестницам гонял, молоко, сухофрукты с пищеблока пёр, с тобой вот нервы истаскивал? Неужели я бы так уламывался даже в качестве прикрытия? Совершенно ты шуток не понимаешь, а еще хохол называется. Ты пойми - я простой советский графоман, Аркаша, который бздит, что его за тунеядство посадят, если он не будет работать хотя бы пожарником. Графоман, которого не печатают ни хера, разве что после смерти - как всех великих. Закон Земли упёртый научный.

А р к а д и й. Чиво?

Ф е л и к с. Через плечо в очко.

А р к а д и й. А, какого, ты мне это все гнал?... И не только гнал, сука мудозвонская!

Ф е л и к с. Хороший вопрос. Ну, ты ж просил, объяснить тебе, хохлу народному, что такое моё искусство - вот я и попытался объяснить, как можно популярнее, чтобы ты, хохол народный, не был в обиде, что с тобой интеллигент не сношается, у которого минута каждая - Нобелевская премия.

А р к а д и й. Ну, а как же малявочка, а эта сука рыжая, кучеряшка жидовская носастая, тогда как же?! А то, как ты все про КГБ так хорошо знаешь, а книжечка твоя гебешная удобненькая, тогда как же?!

Ф е л и к с. Спокойно - без паники, Аркаша! Ну, батина книжечка. *(Дает Аркадию удостоверение КГБ.)* Это батя у меня генерал КГБ, а я просто его сынуля – Раздолбай Раздолбаевич. Год-то - пятьдесят восьмой под печатью. Батя у меня тогда капитаном еще был. Рожамы мы с батяней похожи. Вот ты с батяней своим похож рожей?

А р к а д и й. Зашибато я с батяней своим похож рожей!

Ф е л и к с. А мужики в нашем роду все Феликсы - и деды, и отцы, и сыновья вот. А внимательно надо удостоверение просматривать. На посту ж, твою, стоишь

государственном - секретном посту! А такую промашку сморозил с пятьдесят восьмым-то годом!

А р к а д и й. Ты же мои руки кровью замарал, сучняра!

Ф е л и к с. Отец мне по секрету сказал, что рыжий гебистам продался и нас - двух друзей своего детства - продал. Меня отец отмазал. Ну, а третий наш друг Кеша с собой покончил, когда ему пять лет строгача дали. Кеше мой отец помочь уже не успел. А рыжий был нам другом. Я не мог своими руками друга. Ну, а заодно надо было научную идею в жизни проверить - как она - жажда-то живуча в народе к препарированию глоток. В зашибённом научном эксперименте, сука, участвовал, а еще не доволен.

А р к а д и й. Что я тебе сделал, сучяра?

Ф е л и к с. Мой милый, что ты сделал мне?

Мой милый, что тебе я сделала?

А р к а д и й. Издеваешься?

Ф е л и к с. Мудак ты. Цветаева написала. Ты хоть знаешь такую поэтессу?

А р к а д и й. Я тебя, Иуду-поэта, знаю. Этого мне вот как достаточно для самообразования.

Ф е л и к с. Парень... Ты, парень, на себя должен бочку двигать, что ты такую вот муму сморозил - убил человека. Мне, действительно, откровенно грустно, мой мальчик. Мне шизохренительно за тебя грустно. И что в КГБ хочешь с потрохами продаться - тоже, очень грустно. Кстати - этот дружок наш рыжий продажный, тобою убиенный, был русской национальности. Стопроцентный русак, как и я, собственно.

А р к а д и й. Да, ладно, знаю я вас таких блондастых евреев русастых.

Ф е л и к с. Ну, а что сам что не еврей - уверен? Может, тебя еврейская мать родила, да и подбросила в семью хохляндскую. Самые антисемиты матерые, Аркаша - еврейской национальности. А имя твоё Аркаша – самое, что ни на есть, еврейское имячко.

А р к а д и й. Меня мама русская родила. Понял? А, что Аркадием окрестили - так то в честь погибшего на войне брата батяниного, русского по-национальности. Ты понял?!!

Ф е л и к с *(одевает на свой нос прищепку)*. В коммунистическом обществе, хохол, все мы евреи.

А р к а д и й. Да, кто б ты ни был, Феликсяшка, я бы тебя сейчас с преобладающим удовольствием к твоему другу отправил.

Ф е л и к с. Да? Ну, а кто ж тогда у тебя тогда птичку затоварит за четвертной-то лист?

А р к а д и й. А я ее на волю выпущу, птичку-то.

Ф е л и к с. Достойный поступок. Только, понимаешь, в чем проблема - твой кенарь-то на воле порхать никак не сможет. С детства его в клетке воспитывали - у него все мировоззрение решетчатое.

А р к а д и й *(берет Феликса за воротник халата)*. А ты меня теперь не трухаешь всезнающего, раз перешагнувшего? А, где раз, там и много раз?

Ф е л и к с. Да, многих потом это уже скучно, Аркашка. Самое зашибительское - это когда первый раз режешь человека.

А р к а д и й. Падляра ты! Вот, падляра.

Ф е л и к с. Я, конечно, не знаю, Аркадий Всеволодович – у тебя возможно это будет как раз по-другому. Вдруг будет по-другому. *(Берет опасную бритву.)* Попробуй, а? *(Протягивает Аркадию бритву.)*

А р к а д и й. Я не представляю, как такой падлярой родиться можно. Воспитывали тебя родители?

Ф е л и к с. Ненавижу я своих родителей.

А р к а д и й. Ну, я бы, наверно, тоже ненавидел своих родителей за такое воспитание. Они у тебя случайно не оба кагебиста?

Ф е л и к с. В точку попал, Аркашка. В точечку.

А р к а д и й. Оба людей грохали? Да?

Ф е л и к с. Отец за кордоном людей грохал. Мать здесь, в Москве, у дипломатов в постелях тайны вышпиливала.

А р к а д и й. Охерительно тебе повезло с родичами, Феля.

Ф е л и к с. А я вот - Раздолбай Раздолбаевич. *(Находит на Аркадия с бритвой.)*

Звонит телефон.

Всю жизнь антисоветскую литературу ксерокопирую, да продаю. А пишу вообще бог знает что. Нет определения в этом грёбаном литературоведении. Библия современная... А? *(Берёт в руку опасную бритву.)*

А р к а д и й *(ударом ноги выбивает бритву из рук Феликса, берет телефонную трубку)*. Алё! Оля? Что случилось? Так, успокойся. Что? А, где мама? А, Ирочка? Так. Ну, папа - на работе. Да, утром. Маленькая. Да, нет – ты ложись. Ложись – все будет хорошо. Да, мой хороший. Я тебя тоже. Я тебя тоже. Да, маленькая.

Ф е л и к с. Че, дома че случилось?

А р к а д и й. Мишке лапу оторвали. Жениться тебе надо было, Феликс, детей рожать - может, тогда такой хернёй не занимался бы.

Ф е л и к с. Чтобы им также клёво было в этой оградке, как и мне? Не, мой член в целку за это не воткнется, Аркашка.

А р к а д и й. Мой воткнулся, у мозгов как-то не консультировался.

Ф е л и к с. Так это ж счастье, мальчик, когда член отдельно от мозгов жизнь сотворяет!

А р к а д и й. Нет, надо было, тебе надо было жениться попробовать. Твой член, может, тоже по своей дорожке пошел бы.

Ф е л и к с. На лярве, как моя мать, жениться?

А р к а д и й. Зачем? По любви.

Ф е л и к с. Любовь я свою убил, Аркашка.

А р к а д и й. Чего?

Ф е л и к с. Ничего.

А р к а д и й. Как это ты убил свою любовь, Феликс?

Ф е л и к с. Изячно.

А р к а д и й. Ну, расскажи.

Ф е л и к с. Не буду я тебе это рассказывать. Этого я никому не рассказываю. Тебе тоже.

А р к а д и й. Ну, мне-то, расскажи.

Ф е л и к с. С какого хера я для тебя я должен делать исключение?

А р к а д и й. Да ничего себе - для меня ты уже сделал одно исключение. Давай-давай - давай рассказывай...

Феликс разливает водку.

Воо. Может, легче станет.

Ф е л и к с. Легче. Кому легче?

А р к а д и й. Мне. *(Пьет из горла, закуривает.)*

Пауза.

Ф е л и к с. Задание я такое выполнял.

А р к а д и й. Чего?!!

Ф е л и к с. Надо было за кордоном влюбить в себя одну девочку евреечку. Жениться на ней. Отец у этой девочки, эмигрант наш политический, приносил адский вред нашей Совдепии. Мне тогда двадцать три было. Только МВТУ кончил. А с КГБ на втором курсе в ладошки играл. Разведчик, романтика. Фильмы наши про разведчиков видал?

А р к а д и й. Ну-ну.

Ф е л и к с. Ни фига общего с тем, что делать надо. Член мой на прочность, Аркаша, проверяли три недели различными способами. Тянешь телку, а за шторкой человек считает, сколько я ей палок кинул. Двенадцать за ночь. Три первых - не вынимая.

А р к а д и й. Гигант.

Ф е л и к с. Забросили меня в Лондон через третью страну. С евреечкой свели в ресторане. Ей двадцать лет было. Катрин. Вот ее фотография. *(Показывает Аркадию фотокарточку.)*

А р к а д и й. Красивая. Сразу видно, не наша.

Ф е л и к с. Чисто, суки, в ресторане сработали. В Кембридже она училась. И я попал в Кембридж на стажировку. А по-английски квакать мать меня еще с детства учила. Влюбилась в меня Катрин. Знаешь, просто влюбилась. А на каникулах повезла меня в одну приграничную страну азиатскую к отцу на виллу - знакомить. И в первую же ночь я их всех там - ножом по горлу по моей наводке. Ее тоже. Она даже не проснулась. Во сне умерла. Любил ее Бог. Мне звание сразу подняли до капитана. В животе у нее что-то уже моё было!!! *(Плачет.)*

А р к а д и й. Фель. Фель. Фель. Ну, успокойся.

Ф е л и к с. Спокоен, сука, Аркаша, солдат Родины! *(Плачет)*. Какой я мудака тогда был, что с ней там не остался?! КГБ я тогда зассал - как ты сейчас любера афганского.

А р к а д и й. Слушай, а там за бугром, жизнь, она небось красивая? А?

Ф е л и к с. Обалденительно красивая жизнь там, Аркаша. А в Россию все равно хочется. Хотя бы помереть в своем гавне.

А р к а д и й. Слушай, а там, между делом – ты можешь не отвечать – я понимаю – такая биография. Ну, между делом – ты черненькую там не пробовал? Они на улице там стоят. Двадцать минут - по всей программе - и все. Нет, ты понимаешь - у меня мечта детства - черненькую попробовать. Они подмахивают, как в джазе поют.

Ф е л и к с. Какой же ты, все-таки, мудака, Аркаша. Тебе про любовь, а ты про гвоздь у негра в жопе.

А р к а д и й. Ну, я же сказал - ты можешь не отвечать. Че дальше-то было? Есть продолжение?

Ф е л и к с. Дальше я перестал спать днем и ночью. Попал в больницу – а отец в это время вскрыл вены в ванной.

А р к а д и й. Да я ж помню - ты когда тогда пришел – таким плохим был. Че ж ты не сказал, что отца хоронишь?

Ф е л и к с. Так это только мое дело, Аркадий. Мое и Бога.

А р к а д и й. Ты сейчас про все про это ты поэмку свою пишешь? Я бы напечатал твою поэму, Феликс, дочками клянусь - напечатал бы.

Ф е л и к с. Спасибо, Аркашка.

А р к а д и й. Когда писатель про свое, про родное пишет - оно верное тогда искусство получается, без наклёпа. А, слушай - про меня, про всю эту херню, что ты со мною сделал - тоже напишешь?

Ф е л и к с. Да уж написал давно теорию. Сейчас этап вот был практический. *(Играет на флейте.)*

А р к а д и й. Ни хера себе! Ну, ты и мастачно работаешь!!! Ну и не хера себе. Ну, ты мастачно, сука, работаешь, Феликс! *(Танцует под флейту)*.

Ф е л и к с. Какой же всё же ты мудака.

А р к а д и й. Ну, а хочешь - я тебе один сюжетик жизненно-теоретический подарю, хочешь?

Ф е л и к с. Жизненно-теоретический хочу.

А р к а д и й. Это когда я в Куйбышеве фургоны гонял. Вот, знаешь, у нас как работа происходит. Гонишь фургон по трассе, ну, а где-нибудь на обочине обязательно стоят девушки - шалашовки дорожные. Голосуют. Знаешь?

Ф е л и к с. Ну, конечно. Я же все время в Куйбышеве.

А р к а д и й. Ну вот. Ехал я как-то раз. Смотрю, стоит - чистенькая, все нормально - взял ее. Разговорились, познакомились – восемнадцать лет – восьмой класс - голосует. Миленькая, молоденькая такая целочка. Ну, я ее подобрал. Ну, остановились, поцеловались, пикник сделали. Я ее грудя ее молочные проанализировал. Ну и вроде-то рукой-то к ней туда. И тут меня точно бревном по лбу. Целка. Сразу дочек своих вспомнил. У меня как раз тогда младшенькая

родилась. Представляешь? Вытащил руку из трусов. А член, твою, ломом стоял, сука, железным. Погодя-то я свой член отдрочил, конечно, в кабине. Ее попросил вежливо - так отдрочить вежливо попросил - отдрочила. Представляешь – первый раз член мужской в руках держала. У меня тогда спермы, сука, со стакан граненый вышло. Никогда за один раз столько спермы не выходило. А трогать ее не стал – отпустил ее. Веришь?

Ф е л и к с. Угу. Жалко.

А р к а д и й. Жалко.

Ф е л и к с. Жалко, что никто не стоял рядом и не мерил, сколько спермы тогда из тебя вышло - в книгу рекордов Гиннеса попасть бы смог.

А р к а д и й. Сука ты.

Ф е л и к с. А для гебешников твой член - находка.

А р к а д и й. Тебе, как человеку, душу свою открываешь.

Ф е л и к с. Да нет, спасибо - клевый сюжетик, конечно. Только знаешь - больно прост он для поэмы.

А р к а д и й. Да?

Ф е л и к с. Угу.

А р к а д и й. А че – надо посложнее?

Ф е л и к с. Валяй.

А р к а д и й. Ну, напиши тогда так - что я ее сначала оставил, а потом вернулся, отымел во все дыры, в жопу ей бутылку всадил, травы в рот, земли напхал, да и оставил ее, курву, под кустом подыхать! Что, тварь - решила ракобизнесом заняться? Пусть знает, чем это сраковое порево кончается. Ну, как - получше сюжетик будет?

Ф е л и к с. Так оно на самом деле было?

А р к а д и й. Что было, то сплыло. Как было - это одному Богу известно. *(Поет)*. О ты поле, мое поле – поле чистое...

Ф е л и к с. Слушай, что-то друзья мы с тобой получаемся по любви-то несчастной.

А р к а д и й. У тебя поэмка зато есть, куда ты свою гниль сливаешь. Слей мою гниль в свою поэмку-то - гениальная поэмка получится. Тугриков заработаешь - всех баб в Совке передерешь.

Ф е л и к с. На гениальных поэмках, хохол, тугриков не зарабатывают.

А р к а д и й. Ну, продай ЦРУ.

Ф е л и к с. Да уж продал. И сам туда продался.

А р к а д и й. Слушай, а там какой валютой в ЦРУ платят долларами или рублями?

Ф е л и к с. В ЦРУ платят долларами.

А р к а д и й. А - клево. Правильно. Сейчас на наши фантики чего-нибудь купишь?

Ф е л и к с. Хочешь в ЦРУ работать? Могу, сука, устроить по блату.

А р к а д и й. Спасибо, душевно. В КГБ ты меня уже устраивал. А, слушай, в ЦРУ тебе или твоему батяне тоже документик какой удобенький выдали?

Ф е л и к с. Слушай, хохол-масол, а задолбал – амбал!!! Если ты в Союзе на ЦРУ работаешь - ЦРУ тебе документиков удобеньких не выдает!!! И доллары тебе на

руки не дают - все в швейцарский банк идет!!! Чё - долларов сраных мои мозги не стоят?!!!

А р к а д и й. Почему, ты что - я бы платил.

Ф е л и к с. Хохол – драть тебя не передрать. Вот почему ты кальки секретные доставать не умеешь? Вот почему ты не умеешь доставать секретные кальки?! Вот почему ты образования не получил высшего технического, чукча?!

А р к а д и й. Да, вот как-то не увразумили меня мои родители!

Ф е л и к с. Дебил – сам виноват, мудило!!!

А р к а д и й. А в ЦРУ другой работы нет как только кальки секретные доставать?

Ф е л и к с. Да, завались работы разнокалиберной.

А р к а д и й. Ну-ну!

Ф е л и к с. Можно быть связистом, я не знаю, там – посредником! Стукачом!

А р к а д и й. Воот, Феликс! Я же такой стукач!

Ф е л и к с. Может, убрать там кого понадобится, при случае - гебиста какого блондастого.

А р к а д и й. Во! Я-то уже грохнул этого рыжего, носастого!

Ф е л и к с. Кого? Еврея?

А р к а д и й. Не еврея – гебиста!

Ф е л и к с. Гебиста?

А р к а д и й. Гебиста – да!

Ф е л и к с. Теперь, понимаешь, Аркашка, сука ты неблагодарная, как я далеко прозревал в отношении твоего трамплинчика-то козырного? Понимаешь ты это своими хохлядскими мозгами?

А р к а д и й. Да, ну, спасибушки тебе за трамплинчик козырной, Эдмундóвич! Поклон тебе до земли русской лбом бью!

Ф е л и к с. Спокойно, Аркашечка, спокойно.

А р к а д и й. Ну, прости, Христа ради, Феликс. Ну, чуточку-то я смогу обтерпеться? А, ты скажи мне - там в ЦРУ четко платят?

Ф е л и к с. Четко, сука.

А р к а д и й. Без кидалова?

Ф е л и к с. В ЦРУ без кидалова платят, хохлямундия – и звания дают косяком и хаты без лимита. Да.

А р к а д и й. На ЦРУ я согласен жизнь положить!

Ф е л и к с. Готов, да, Аркаша, сука?

А р к а д и й. На все согласен - падлой буду.

Ф е л и к с. Но, чтобы в ЦРУ жизнь положить - надо быть еще демократичным человеком.

А р к а д и й. Это что такое?

Ф е л и к с. Ну, ты за многопартийную систему или нет?

А р к а д и й (*прерывает*). Я за многопартийную!

Ф е л и к с. А, вот ты - за коммунизм или за капитализм?

А р к а д и й. За капитализм.

Ф е л и к с. За кем победа?

А р к а д и й. За капитализмом.

Ф е л и к с. Ну, а почему?

А р к а д и й. А, хер его знает - жопой чую. (*Садится на каталку.*) Слушай, если нас сейчас гебешники за жопу схватят - нам точно вышка. Я не знаю, как ты. Но я готов за правое дело!

Ф е л и к с. Тебе вышка. Мне нет.

А р к а д и й. Это чего мне вышка, а тебе нет?

Ф е л и к с. А гебисты знают, что я на ЦРУ работаю.

А р к а д и й. Что? А цереушники знают, что ты гебист?

Ф е л и к с. Да, Аркаша. Все давно, сука, все знают. Всё – крантец - я канал, я канал общения между ЦРУ и КГБ. Должны же две солидные организации иметь канал общения. Сейчас какая обстановка в мире?

А р к а д и й. Какая?

Ф е л и к с. СССР и США друг другу протягивают руки.

А р к а д и й. И ноги.

Ф е л и к с. Ну – одновременно.

А г р к а д и й. А тебе что - и те, и другие платят?

Ф е л и к с. По-совместительству ишачу.

А р к а д и й. Те долларами, а эти рублями?

Ф е л и к с. Те долларами, а эти рублями.

А р к а д и й. Так евреи только могут устраиваться. Ни хера не верю.

Ф е л и к с. Знаешь, Аркаша – меня меньше всего это сношает.

А р к а д и й. Я бы тоже так хотел за доллары.

Ф е л и к с. Гениально, гениально начинать карьеру в ЦРУ с того, чтобы быть евреем.

А р к а д и й. Вот те на. Это что - я не похож на еврея? Посмотри внимательно.

Ф е л и к с. Так - носяра горбатится. И лобяра дубовый - выдающийся.

А р к а д и й. Да, лобярой дверь прошибить могу.

Ф е л и к с. Это не надо.

А р к а д и й. А что надо? Нос у меня от драки перегорбился. Догадаются? Чего - совсем я не похож на еврея? Ну, имя-то у меня - Аркаша – самое, что ни на есть, еврейское имечко. Сам же говорил. А что фамилия у меня русская, так у многих евреев такие дела. Как вот у тебя.

Ф е л и к с. Отвыкай пальцем на других показывать! Ты внутренне чувствуешь, что ты жиденок?

А р к а д и й. Да все нутро мое жидовское, ну, Эдмундóвич! Ну, я-то евреев за то ненавижу, что сам вот евреем не уродился. Ты им скажи только, что я самый матерый еврей блондастый. Я делом докажу.

Ф е л и к с. Ну, попытаемся помочь, хохлушка. Ты мне вот что скажи: с мужиками ты перепихиваться умеешь?

А р к а д и й. А это чё - тоже надо?

Ф е л и к с. Разведчик должен уметь делать все.

А р к а д и й. За доллары? Нет, ну, чего – можно и попробовать?

Ф е л и к с. Не бзди, хохол. Ты главное - не бзди - это не страшно, это приятно. А чтоб СПИДом не заболеть - гондоны имеются. *(Достает из кармана пачку презервативов.)*

А р к а д и й *(читает)*. Гондонос. Импортные.

Ф е л и к с. Штатовские. И масло вон имеется растительное с пищеблока. *(Кивает на бутылку масла, которая стоит на подоконнике.)*

А р к а д и й *(берет бутылку масла)*. Свеженькое масло, подсолнечное. Клавка принесла яички поджарить.

Ф е л и к с. Поджарим, Аркашка, яички - все поджарим. В воду Клавка твоя глядела - наш человек. Я, знаешь, мальчика одного знал - он трахался - коммунизм, сука, без переходной стадии социализма. Песня. Ты, значит, так - раздеваешься. *(Начинает раздеваться.)* Раздевайся!

А р к а д и й. А раздеваюсь, сука!

Феликс и Аркадий раздеваются.

Ф е л и к с. Он, естественно, тоже. Вот он начинает Сашутка-Шурик тебя целовать с пальчиков ног - нежненько так нежненько. Потом яйца полижет, промеж ног тоже, жопу полижет - туши свет - белые ночи Сибири, сука. Животик потом полижет, грудь, шейку, губы, сука. Член, пидар, не трогает. А потом, гребень, опять по животику, да по яйцам язычком своим духарится. Член, сука, не трогает! И вот он, сученок подлец, момент ловит - он у тебя уже промеж ног сидит на коленках - ротельник вафлиный открывает - и ты ему по воздуху, сука, промеж зубов пидарасу, очередью пулеметной по дуговой траектории - в пасть, в глотку - на железы и аденоиды граненый стакан сперматозоидов и выпрыскиваешь! Хорошо, Аркаша, хорошо. Уааа!!! А какая у него была жопа, Аркаша. Какая у Шурика была жопа. Я-то ведь, какую работу тебе в ЦРУ на первое время придумал - на срок испытательный - перепихнуться со мной во время ночного дежурства, чтоб мне медитировать было споваднее. А доллары к тебе в швейцарский банк завтра же и отправятся.

А р к а д и й. Моего рыжего - тоже ведь Шурикой звали?

Ф е л и к с. Сашуткой!!! Ну, не захотел Сашутка-Шурик на ЦРУ работать - не нужны ему стали доллары. Сказал, что ты с этим хохлом в своей смене не трахаешься, у него воон какая жопа здоровая и на рожу он какой смазливенький, и телом атлетический, не до конца пропитым. А потом Сашутка что-то вообще психовать стал - мог в психиатричку попасть - в Кащенко. Он совсем больным человеком последнее время стал, Аркашка - мог всю операцию испортить. Вот и надо было его туда - на три метра в землю. Я надеюсь, у тебя все в порядке с психикой?

А р к а д и й. Да, психику я еще не всю пропил, на хер!

Ф е л и к с. Ну, раз Сашутку-Шурика рубанул-то спокойно - нормальная, значит, психика. Ну, иди сюда, мой хороший. *(Обнимает Аркадия.)*

А р к а д и й. Нет! *(Вырывается)*. Нет.

Ф е л и к с. Ну, почему?

Аркадий. Ты кто?

Феликс. Я.

Аркадий. Откуда?

Феликс. С жизни, мальчик.

Аркадий. С тюрьги, сука!!

Феликс. Бежал.

Звонит телефон.

Да. А, Тамарка? Какие, нах, жмурики, Тамара? А? Не - знаешь, что – за двести спиртяги - сама жмура повезешь. А? Хорошо. Давай. Да, сейчас будем. *(Кладет трубку)*. Эй, давай собирайся. Жмурик в первой неврологии за четыреста грамм.

Феликс *(берет опасную бритву, находит на Аркадия)*. Аркаша. Аркаша, ты только так не уходи. Ладно? Ты меня не бросай. Ты мне помоги. Понимаешь - такая штука. Только ты можешь. Я... Сам не могу. Не могу сам с собой покончить. Помоги.

Аркадий. Да, пошел ты к черту!!! *(Отталкивает от себя руку Феликса, в которой бритва, так что Феликс этой бритвой ранит себя смертельно в горло и заваливается на медицинскую каталку лицом вниз, но Аркадий этого не видит, так как в этот момент отворачивается и отходит в сторону.)*

Феликс. А-а. А-а. *(Умирает.)*

Аркадий. Фель. Феля. Феля! Фель. *(Дотрагивается до каталки, где уже кровь Феликса, вытирает руку о висящую ветошь, потом под руки лицом кверху переворачивает Феликса. Кричит.)* А-а-а!!!

Затемнение

Париж, 1987